

С. ВЛАДИВ-ГЛОВЕР

ДОСТОЕВСКИЙ В АВСТРАЛИИ

Достоеведение в Австралии зародилось практически одновременно с русистикой, инспирированной русской эмиграцией после Второй мировой войны. Начало преподаванию русского языка и литературы в университетах страны положила Нина Михайловна Кристесен (1911–2001). Прибывшая в Бризбейн в возрасте шестнадцати лет из Харбина, где она получила образование в русской школе, Кристесен с 1945 г. проживала в Мельбурне со своим мужем, редактором австралийского литературного журнала «Мэанджин». В Мельбурнском университете Кристесен собрала специалистов по русскому языку и литературе, прибывших в Австралию после Второй мировой войны. На отделение русского языка поступила З. А. Углицкая, которая ранее училась у В. В. Виноградова; затем Б. Криста и Р. де Брэй, прибывшие из Англии, впоследствии ставшие учредителями новых русских кафедр университетов в Бризбейне (University of Queensland), Мельбурне (Monash University) и Канберре (Australian National University). В 1953 г. на отделение русского языка и литературы Мельбурнского университета поступил Д. В. Гришин, прибывший в 1949 г. в Австралию из Германии после получения в МГУ степени кандидата филологических наук.

Усилиями Гришина изучение творчества Достоевского стало научной дисциплиной. В 1957 г. он защитил докторскую диссертацию, впоследствии опубликованную в виде книги¹, и ввел достоеведение в научно-образовательную программу университета, обязательную для получения степени бакалавра и поступления в аспирантуру. Гришин дал толчок развитию австралийской науки о Достоевском, став точкой опоры для потенциально существующего интереса к творчеству русского писателя среди австралийской интеллигенции в послевоенный период. Видный австралийский поэт Алекс Хоуп (Alex Hope), профессор философии Мельбурнского университета Александр Бойс-Гибсон (Alexander Boyce-Gibson), англист Дэвид Ханнан (David Hannan) и будущий австралийский писатель Роберт Дессэ (Robert Dessaix, известный в свои ранние академические годы под именем Robert Jones) стали пи-

---

¹ Гришин Д. В. «Дневник писателя» Достоевского. Melbourne, 1966.

сать и публиковать труды о творчестве Достоевского. Некоторые из них не владели русским языком, например Бойс-Гибсон, который ссылается на работы и переводы Гришина. Параллельно с выходом в свет книг самого Гришина («Достоевский: Человек, Писатель и Мифы», 1971; «Молодой Достоевский», 1977) появились книги², переводы³ и статьи⁴ этой плеяды австралийских исследователей — главным образом, в журнале, основанном Н. Кристесен, «Melbourne Slavonic Studies» (1965–1985), переименованном затем в «Australian Slavonic and East European Studies» (ASEES) и издающемся по сей день⁵.

Австралийское достоеведение обрело международное значение с учреждением в 1972 г. Международного общества Достоевского (International Dostoevsky Society, IDS). Следует отметить неоценимый вклад Гришина в подготовительную работу по учреждению этой организации, чье зарождение, таким образом, имело свои корни на пятом континенте. Гришин выступил с инициативой по созданию Международного общества Достоевского на конгрессе славистов в Праге в 1968 г. Результатом его усилий, как указывает Р. Нойхойзер (R. Neuhäuser)⁶, стал учредительный съезд исследователей творчества Достоевского, представлявших шестнадцать стран, в Бад-Эмсе (Германия) в сентябре 1971 г., где и состоялось учреждение IDS; Гришин был избран вице-президентом общества. К несчастью, он успел принять участие еще только в одном симпозиуме IDS в 1974 г., уйдя из жизни 19 сентября 1975 г.

Работы Гришина играли значительную роль в мировом достоеведении, особенно в странах, где изучение творчества писателя было под запретом или продвигалось с трудом по идеологическим причинам. Гришин вспоминал, что, когда выбрал тему своей кандидатской диссертации в МГУ, связанную с творчеством Достоевского, научный руководитель советовал ему отказаться от нее, ссылаясь на то, что исследования по этой теме слишком хлопотны и опасны в условиях Советской России⁷. Гришин настоял тогда на своем, продолжив и в Австралии за-

---

² *Boyce-Gibson A.* The Religion of Dostoevski. London, 1973; *Boyce-Gibson A.* The Riddle of the Grand Inquisitor // Melbourne Slavonic Studies. 1970. N 4. P. 46–56.

³ *Dostoevsky F.M.* Poor Folk / Translated and with an Introduction by R. Dessaix. Ann Arbor, Michigan, 1982.

⁴ *Hannan D.* «Crime and Punishment»: The Idea of the Crime // The Melbourne Critical Rev. 1969. N 12. P. 15–28.

⁵ В 2012 г. редакция журнала была переведена из Квинслендского университета, где ею руководил Дж. Мекнер, в Мельбурнский университет, где главным редактором стал Р. Лагеберг, заведующий отделом русского языка.

⁶ *Neuhäuser R.* Dmitry Vladimirovich Grishin // IDS Bull. 1976. N 6. P. 35. Автор настоящей статьи, будучи в 1971 г. студенткой, помнит, что Дмитрий Владимирович показал ей свой черновик Устава IDS на русском языке и попросил ее перевести его на английский, что Владив-Гловер и сделала. Вскоре после учреждения IDS Гришин скончался, поэтому его существенная роль и тем самым значение всего австралийского достоеведения остаются малоизвестным фактом в анналах IDS.

⁷ Эту деталь Владив-Гловер узнала лично в разговоре с Гришиным.

ниматься малоприемлемыми для советской филологической науки темами — «Несвоевременными мыслями» Горького и переоценкой мифов, образовавшихся вокруг жизни и творчества Достоевского. Так, Гришин был убежден, что представление о «двух Достоевских» — «раннем» (до каторги) и «позднем» (после нее) — научный предрассудок, не имеющий в действительности никаких реальных оснований⁸.

Соглашаясь с М. М. Бахтиным, чьи работы стали популярными на Западе начиная с 1963 г., Гришин придерживался тезиса, что творчество Достоевского есть единое целое, и произведения, написанные после каторги, являются естественным продолжением его предшествующего творчества. Аргументация этой гипотезы содержится в его книге «Ранний Достоевский»⁹. Начатая как кандидатская работа в МГУ еще во второй половине 1930-х гг., эта книга детально описывает путь Достоевского как писателя со времени обучения в Инженерном училище в Санкт-Петербурге вплоть до ссылки на каторгу в 1849 г. В своей работе Гришин освещает малоизвестные факты жизни Достоевского в период его учебы в главном инженерном училище, о которых повествует легко и увлекательно. В книге рассматривается широкий круг литературных предшественников Достоевского, русских и европейских, оказавших влияние на формирование стиля писателя, в частности творчество Э. Т. А. Гофмана, которое оставило значительный след в русской литературе и критике 1830–1840-х гг. Гофман был «эстетическим учителем» Белинского и Станкевича. Как подчеркивает Гришин, особенно ценным в русской литературной среде считалось то, что немецкий писатель «электрически действовал на молодые, серьезные умы, считавшие слово его поэтическим прозрением в самую глубину творчества»¹⁰. Помимо непосредственного влияния Гофмана на Достоевского Гришин указывает и на влияние опосредованное, за счет ряда русских писателей, из творчества которых Достоевский мог почерпнуть элементы поэтики Гофмана в ходе формирования своего творческого стиля. По мнению Гришина, вторичное влияние Гофмана на Достоевского шло через творчество Н. А. Полевого, чья повесть «Блаженство безумия» (1833) дает основания говорить о сходстве между персонажами Полевого и типами мечтателей в ранних повестях Достоевского. Этот материал освещается Гришиным в широком историко-литературном контексте, особенно на примерах представителей русского романтизма (Марлинского, Бенедиктова, Козлова, Тимофеева и др.). В своей работе Гришин опирался в том числе и на неопубликованные архивные материалы, а также письма Достоевского, мемуары современников и публикации 1830-х гг.

Отметим, что в 1970-х гг. Гришину требовались немалые усилия, чтобы, проживая в Австралии, получить возможность работать в научных

---

⁸ Гришин Д. В. Ранний Достоевский. Мельбурн, б/д. 230 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 42.

библиотеках и архивах СССР. Именно отдаленностью от русских научных филологических центров Москвы и Ленинграда, а также западноевропейских архивов и книгохранилищ, таких как Национальная библиотека в Хельсинки или Библиотека Конгресса в Вашингтоне, объясняются допущенные Гришиным некоторая неточность в сносках и лапидарность в обработке архивного материала.

Научный подвиг Гришина состоял в том, что, проживая в Австралии — самой молодой стране западного мира, в которой самый старый университет — университет Мельбурна — существовал всего около 100 лет, исследователь сумел соединить в научном и читательском диалоге русскую литературу и читателей Австралии, организовав в стране целенаправленное и методологически оснащенное преподавание русской культуры и литературы¹¹.

Не говоря уже о месте, где проводились исследовательские работы Гришина, следует отметить, что и сами по себе они были увлекательными и методологически перспективными для своего времени. К числу бесспорных научных достижений Гришина относится его работа о «Дневнике писателя», где ставится вопрос о формировании синтетического жанра, вбирающего в себя черты художественного произведения, судебной хроники, критической статьи, мемуарного очерка и письма. Согласно концепции Гришина, «Дневник писателя» обладает функцией своего рода творческой лаборатории, в ней Достоевский вырабатывает свой особый слог письма, в котором Бахтин впоследствии увидел полифоническую структуру. Анализируя «Дневник писателя», Гришин вникает в суть идеологии, политических и философско-религиозных взглядов Достоевского, его отношения к месту России в европейской и мировой культуре. Культурно-политические темы «Дневника писателя» приводятся в книге Гришина в виде каталога цитат, в результате чего формируется ясное представление о миросозерцании Достоевского как русского и европейца, общественного деятеля своего времени.

В своем труде Гришин предполагает (этот тезис радикально отличается от клише, присущего западной критике 1900–1970-х гг.), что любовь Достоевского к России не тождественна славянофильству, так как писатель отнюдь «не замыкался в национальной ограниченности»¹². Гришин также категорически отвергает выводы о колониальных и пан-русских устремлениях Достоевского, находя в его идее единения всех славян начало идеи о всечеловеческом «объединении народов»¹³.

---

¹¹ Надо добавить, что эту подвижническую работу по распространению русской культуры в Австралии продолжил Александр Гришин (известный как Sasha Grishin), младший сын Д. В. Гришина, историк искусства и заведующий кафедрой искусствоведения в Австралийском национальном университете (Australian National University, ANU). Молодой Гришин опубликовал много книг и научных статей по русскому искусству.

¹² Гришин Д. В. «Дневник писателя» Достоевского. С. 239.

¹³ Там же. С. 243.

Защита славянского мира от угнетения завоевателями (например Турцией или Австрией) для Достоевского — только первый шаг к осуществлению идеи «единения славян». Из этого возникает «третья мировая идея» — «идея славянская, идея нарождающаяся, — может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих в Европе» (ПСС. Т. 25. С. 9). Эта «третья мировая идея», на первый взгляд, напоминает идеологию славянофилов. Но Гришин трактует ее в совершенно ином духе, указывая, что идея о «народах-мессиях» не нова. В творчестве Достоевского Гришин видит иное: «Он требовал от России и славянства жертвенного служения всему человечеству, мечтал о счастье всего человечества. Во многом Достоевский ошибался: часто смешивал социальные проблемы с религиозными, был несправедлив к некоторым европейским народам, чрезмерно идеализировал русских и преувеличивал значение православия, но все это не должно затенить величия его главной идеи — единения всечеловеческого»¹⁴. Развивая эту тему, Гришин приводит малоизвестные для того времени (1960-е гг.) мысли Достоевского о России как идейной предводительнице народов Европы, как своего рода носительнице идеи о свободном, как мы бы сегодня сказали — демократическом, союзе народов. Россия должна помогать славянам, для того чтобы «жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать, в конце концов, великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, вознести, наконец, всех малых сих до себя <...> — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите <...>, выше нет целей, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности <...>. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству» (ПСС. Т. 26. С. 81–82). В одной маленькой черточке Гришин почти невольно улавливает универсализированную трактовку идеи «почвенничества» как русского «инстинкта» — стремления к общечеловеческому. Сравнивая русских с европейцами, Достоевский приходит к выводу, что «в русском характере замечается резкое отличие от европейского, резкая особенность, в нем, по преимуществу, выступает способность всепримиряемости, всечеловечности <...>. Он сочувствует всему человеческому, вне различия национальности, крови и почвы. Он находит и немедленно допускает разумность во всем, в чем хоть сколько-нибудь есть общечеловеческого интереса. У него инстинкт общечеловечности»¹⁵.

Это утверждение общечеловеческого начала, которое преодолевает влияние родной «почвы» как знака особенности происхождения,

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 18, 54.

далеко отстоит от поиска любых признаков национализма, который впоследствии нередко приписывался Достоевскому.

В 1971 г. вышла книга Гришина «Достоевский: Человек — Писатель и Мифы», капитальное исследование, в котором были затронуты практически все до сих пор не исчерпанные темы достоевведения. Синтетическое исследование, которое было проведено на материале «Дневника писателя», охватывает всю совокупность социальных и эстетических идей Достоевского, которые представлены у Гришина меткими, почти лаконичными картинками, нарисованными с энергией и научной доказательностью. Пафос исследователя и подбор тем книги были подсказаны веяниями времени. Одной из главных задач Гришина была попытка прояснить спорные пункты биографии писателя, по мнению исследователя, оклеветанного его первыми биографами — Н. Н. Страховым и О. Ф. Миллером (что впоследствии весьма сильно повлияло на формирование предвзятого мнения о писателе со стороны современников, в том числе и Л. Н. Толстого). Избранная Гришиным тематика и методология отражают новаторский характер и научную смелость исследователя, начинавшего свой путь в науке еще в сталинской России, в которой произведение Достоевского и само имя писателя были под запретом. Гришин вел борьбу за реабилитацию Достоевского как писателя и передового русского человека XIX в.

Идеологический профиль Достоевского, каким он представлен в книге Гришина, несмотря на все известные противоречивые высказывания самого писателя в публицистике или подразумеваемые критикой в его художественных текстах, это все-таки профиль «молодого Достоевского», с убеждениями из рокового 1849 г., которые составляли социальную идею в широком смысле этого слова¹⁶. В книге оцениваются и негативные стороны взглядов писателя на социализм: Гришин указывает на то, что Достоевский видел тесную связь между социализмом как идеологией государства и католицизмом как типом государственной власти. Тезис Достоевского о том, что «без католицизма не было бы социализма»¹⁷, по Гришину, «не отличается убедительностью»¹⁸.

Так же настороженно Гришин относится к попыткам русской критики причислить Достоевского к религиозным мыслителям и провозгласить его идеологом православия или даже деятелем православной церкви. Сравнивая между собой тезисы, выдвинутые некоторыми современниками Достоевского и последующими религиозными писателями, Гришин создает концепцию Достоевского как высокообразованного человека своего времени, человека эпохи «постпросвещения», если позволено будет так сказать. Религиозность Достоевского исчерпывалась горячим принятием «лица Христа» в качестве необходимой этиче-

¹⁶ Гришин Д. Достоевский: Человек — Писатель и Мифы. Мельбурн, 1971. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 76.

ской нормы современного мира; представление о «Богe», согласно мысли Гришина, для писателя было более умозрительным. Доказывая эту мысль, Гришин указывает, что Достоевский «смешивает понятие „христианство“ с „крестьянством“»¹⁹, и пытаясь определить корневую основу «христианства русского народа»²⁰, писатель отвергает всякий мистицизм. Для Достоевского, по мнению Гришина, православие — «не одна только церковь, это „живое чувство“», а «в русском христианстве, по-настоящему, и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ»²¹. Развивая эту мысль, Гришин приводит ряд высказываний Достоевского о православии, которые идут вразрез с каноническим вероучением. Например, некоторые соображения о «русском социализме», которые писатель собирался опубликовать в статье «Первый корень» в номере «Дневника писателя» за январь 1881 г., оказались практически неприемлемыми для цензуры. Именно в этой статье, по Гришину, отразилась итоговая точка зрения Достоевского на православную религию. В статье писатель, по словам Гришина, буквально накануне смерти доказывает, что цель церкви или русского социализма — «всенародная и вселенская Церковь, осуществленная на земле»; а «русский социализм», по Достоевскому, — это «всеобщее единение во имя Христово»²².

Таким образом, Гришин толкует христианство Достоевского в том же ключе, в каком была истолкована мысль о «третьей идее» — о будущем демократическом единении народов, первой ласточкой которого окажется объединение славян. Утопическое устройство братства людей на земле во имя этического начала, выраженного через образ Христа — вот заключение, к которому Гришин приходит по вопросу о вере Достоевского. Этот вывод, основанный на скрупулезном изучении всего корпуса текстов «Дневника писателя», а также документов и свидетельств современников, идет вразрез с тенденцией, наблюдающейся на разных этапах развития достоевведения и особенно в последнее время: рассматривать Достоевского как религиозного мыслителя и апологета православия и тем самым привязывать его творческую биографию к консервативным или даже ретроградным течениям в общественной жизни. В своих работах о Достоевском Гришин сформировал круг самых актуальных задач достоевведения, актуальных не только для своего времени, но и для современного литературоведения.

Еще до смерти Гришина в 1975 г. в область достоевведения стали проникать некоторые концепции (главным образом благодаря усилиям немецких, австралийских и американских славистов), связанные с теоретическим наследием Бахтина, привлечшим к себе внимание после

---

¹⁹ Там же. С. 84.

²⁰ Там же. С. 83.

²¹ Там же. С. 84.

²² Там же. С. 84.

выхода второго издания книги «Проблемы творчества Достоевского» (М., 1963). В Германии вышел ряд работ, оказавших заметное влияние на достоеведение в Австралии, в частности монография Хорста-Юргена Герика (Horst-Jürgen Gerigk) о «Подростке» (1965)²³ и книга Вольфа Шмида (Wolf Schmid) (1973) о структуре повествования в рассказах Достоевского²⁴.

Бахтинская концепция повествования придала новый импульс развитию австралийского достоеведения. Так, автор настоящей статьи Слободанка Владив-Гловер, закончившая аспирантуру в Мельбурнском университете, в 1976 г. опубликовала докторскую диссертацию о повествовательной структуре романа Достоевского «Бесы»²⁵, в своей работе преодолевая некоторую ограниченность классического структурализма и рассматривая вопрос о смыслопорождении и феноменологии перцепции. Эти новые методологии развивались в австралийском достоеведении параллельно с историко-литературным подходом.

В 1980 г. в Канберре, накануне столетия со смерти писателя состоялся научный симпозиум по творчеству Достоевского под председательством Владив-Гловер. Материалы симпозиума были опубликованы в специальном номере «Melbourne Slavonic Studies»²⁶. На научном форуме были собраны лучшие силы национального достоеведения: Катерина Кларк (Katerina Clark) (впоследствии ставшая профессором Йельского университета), которая сделала аналитический обзор книги Бахтина о Достоевском; Дж. Вержбицки, аспирантка университета Монаш (Monash University); Н. Тёрнер, профессор университета Монаш, изучавшая юридическую тематику в романах Достоевского; Ирен Зограб (Irene Zohrab), автор книги «Ф. М. Достоевский и А. Н. Островский: в свете редакторской деятельности Достоевского в „Гражданине“»; Владив-Гловер, в исследовании которой получил новое освещение вопрос о связи эпилепсии князя Мышкина («Идиот») с самоактуализацией личности, согласно гипотезе А. Маслоу.

В своей работе «Религиозные образы в романах Достоевского» (1988) Владив-Гловер перемещает тезисы Гришина о религиозности Достоевского в план психоанализа и эстетики, формируя новую трактовку философско-религиозного интертекста Достоевского²⁷. В образе «Матери-Земли» Марии Лебядкиной («Бесы») обнаруживается аллю-

---

²³ Gerigk H.-J. Versuch über Dostoevskijs «Jüngling»: Ein Beitrag zur Theorie des Romans / Ed. D. Tschizewskij // Forum Slavicum. Bd. 4. 1965.

²⁴ Schmid W. Der Textaufbau in den Erzählungen Dostoevskijs / Ed. K. Maurer // Beiheft zu Poetica. 1973. H. 10.

²⁵ Vladiv S. B. Narrative Principles in Dostoevskij's «Besy»: A Structural Analysis. Berne; Frankfurt am Main; Las Vegas, 1979.

²⁶ Melbourne Slavonic Studies. Dostoevsky Commemorative Number / Ed. S. B. Vladiv. 1980. N 14.

²⁷ Vladiv-Glover S. Religious Imagery in Dostoevsky's Works // Australian Slavonic and East European Studies. 1988. Vol. 2, N 2. P. 95–110.

зия на «Софию» Вл. Соловьева и архетип души-анимы, каким он предстает в европейском модернизме 1880-х гг. Опираясь на психоанализ К.Г. Юнга, Владив-Гловер вскрывает особенности реализации русско-го культурного архетипа в творчестве Достоевского, указывая на ответственность отчуждения образованного слоя россиян от глубоких подсознательных корней русской культуры, сохраненных в церковных текстах, которые лежали в основе культурной истории страны. Вот как Владив-Гловер определяет суть религиозных поисков Достоевского в романах «Идиот» и «Бесы»: «На самом деле, сердцевина религиозного мышления Достоевского — это поиски уравновешенного религиозного чувства, которое представляет внутреннюю конститутивную часть здоровой психики. Это религиозное чувство, по Достоевскому, не обязательно связано с понятием добра и зла, морального и аморального, но все-таки составляет опору психической жизни и источник емкости и потенциала для роста личности»²⁸.

Особенность подхода к вопросу о философско-религиозной проблематике в творчестве Достоевского в австралийском достоеведении — это органическое сочетание методов социологии, психоанализа и философской эстетики. Примером является работа Бойс-Гибсона о христианстве Достоевского, где содержится трактовка религиозного мышления писателя как реализации бахтинской «полифонии»: автор дает в своем произведении равные права голосам верующих и неверующих персонажей. Вывод, который делает Бойс-Гибсон: «В условиях отсутствия личной теологии, и мучаясь временами своего рода анти-теологией, он был, как и все христиане, становящимся христианином — только более других»²⁹.

Видное место среди ученых, посвятивших свою жизнь изучению творчества русского писателя, занимает Б. Криста (1925–2008); большую часть своей научной карьеры он посвятил исследованию семантики одежды и внешнего облика персонажей Достоевского. Эта своего рода система знаков, характеризующая личность в текстах писателя, очевидным образом связана со структурализмом, который определил многие черты австралийского достоеведения начиная с 1980-х гг.

В 1978 г. психоаналитическое направление в австралийском достоеведении, начатое работами Владив-Гловер, получает поддержку посредством исследования М. Кравченко, в котором психоанализ устанавливается в качестве контекста творчества Достоевского³⁰. Далее, в 1993 г., выходит работа Владив-Гловер об известной статье Фрейда о Достоевском и отцеубийстве под заглавием: «Достоевский, Фрейд и отцеубийство: деконструктивные записки о „Братьях

²⁸ Ibid. P. 98–99. (*Пер. автора.*)

²⁹ *Boyce-Gibson A. The Religion of Dostoevski. L., 1973. P. 77.*

³⁰ *Kravchenko M. Dostoevsky and the Psychologists. Amsterdam, 1978.* Это направление имеет свое продолжение в поздних исследованиях американского достоеведа Дж. Райса (J. Rice, скончался в 2011 г.).

Карамазовых“»³¹. В статье развивается тезис о том, что Фрейд не подвергал анализу литературное творчество Достоевского с точки зрения его художественно-эстетических свойств, но, в соответствии с его известной теорией, для Фрейда была важна структура личности писателя, связанная с «эдиповым комплексом».

Перенос акцент с автора на героев его произведений, Владив-Гловер использует модель Фрейда о структуре подсознательного применительно к персонажам четырех братьев Карамазовых, которые, согласно ее мнению, составляют единую личность, проходящую через разные фазы становления на пути к формированию зрелого субъекта сознания.

В 2001 г. в Белграде выходит книга Владив-Гловер «Романы Достоевского как дискурс трансгрессии и прихоти»³², посвященная анализу четырех романов Достоевского («Бесы», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») в различных аспектах феноменологии, семиотики, психоанализа и постструктурального учения о конечности, заданной в дискурсе. Феноменология личности составила предмет исследования следующей работы Владив-Гловер о поэтике реализма³³, в которой произведения Достоевского рассматриваются вместе с романами Флобера и Толстого как эстетические картины мира, воспринятого через посредство психического механизма «взгляда» («the gaze») Ж. Лакана.

Развитие этой научной парадигмы определяется деятельностью учеников Владив-Гловер, которая начиная с 1990-х гг. читает курс в Центре литературоведческой компаративистики (Centre for Comparative Literature and Cultural Studies) университета Монаш, — а также выходом журнала «The Dostoevsky Journal: An Independent Review»³⁴. Журнал предоставляет место для публикаций молодым исследователям-компаративистам, работающим в рамках пост-структуральной парадигмы, а также интердисциплинарных подходов к творчеству Достоевского.

Филологическая наука Австралии как англоязычной страны имеет дело преимущественно с текстами, переведенными на английский. Поэтому контексты сравнительной литературы и так называемой «континентальной философии» хорошо подходят для научных исследований, выходя за тематические рамки не только русистики, но и славистики. Положением Австралии как страны Южного полушария и одновременно

---

³¹ *Vladiv-Glover S. M. Dostoevsky, Freud and Parricide: Deconstructive Notes on «The Brothers Karamazov» // New Zealand Slavonic J. 1993. P. 7–34. (Invited paper to open new series of journal.)*

³² *Vladiv-Glover S. M. Romani Dostojevskog kao diskurs transgresije i požude. Belgrade, 2001. 215 p.*

³³ *Vladiv-Glover S. M. The Poetics of Realism: Dostoevsky, Flaubert, Tolstoy / Transl. into Serbian. Belgrade, 2010. 182 p.*

³⁴ Издатель журнала — Charles Schlacks Jr. Издание выходит в Калифорнии с 2000 г.

менно части европейской цивилизации диктуется необходимость преодоления этой условной изоляции от Европы и славянского мира, что и оказало определенное влияние на методы исследований — интердисциплинарных подходов. В соответствии с ним творчество Достоевского изучается не столько в рамках национальной литературы и общественной жизни России XIX в., но в более широком ракурсе, общеевропейском и общечеловеческом контексте, в единстве эстетического и философского подходов как отдельных частей общемировой культурной парадигмы. Этим объясняется то, что в австралийских публикациях о Достоевском трудно найти тезис об «обособленности» и «исключительности» русского писателя или «загадочной русской души», которые все еще бытуют в научном обиходе многих западных стран. В австралийских работах «русский человек» Достоевского трактуется не в буквальном смысле, но как метафора, обозначающая «личность» как реализацию индивидуального самосознания, корнящегося в подсознании. Подсознание — это «место» формирования самосознания посредством языка и письма, которые по определению «национальные», «родные», присущие «народу», «свои». В произведениях Достоевского «русский человек» — носитель европейских культурных ценностей, почерпнутых им из культурного «архива» или «библиотеки» европейской цивилизации, с которой русская культура неразрывно связана. «Русский человек» Достоевского — это всечеловек, фактически воплощающий идею глобальности цивилизации Нового времени.

Кроме вышеупомянутых критических интерпретаций творческого наследия Достоевского в «The Dostoevsky Journal: An Independent Review» опубликован ряд неизвестных ранее материалов, полученных из архивохранилищ России и Европы. Интердисциплинарное изучение творчества Достоевского было широко распространено среди молодых исследователей Австралии, которые с соответствующими темами поступают в аспирантуру на отделения англистики или общей мировой литературы и которые публикуются в «The Dostoevsky Journal: An Independent Review», выходящем параллельно с официальным органом IDS «Dostoevsky Studies Journal». Различие между этими двумя специализированными печатными органами в том, что «Dostoevsky Studies Journal» поддерживается большим интернациональным научным коллективом, в то время как «The Dostoevsky Journal» существует благодаря финансовой поддержке Ч. Шлекса, многие годы издающего многочисленные журналы по славистике, и исследовательскому фонду славистики университета Монаш. В тринадцати номерах этого австралийского научного издания, которые вышли с 2000 по 2013 г., опубликованы статьи, предлагающие новаторские аспекты изучения поэтики Достоевского с привлечением самых различных научных и философских методов³⁵.

---

³⁵ Архив журнала можно найти на сайте: www.dostoevskyjournal.com.

Темой симпозиума, приуроченного к десятому юбилею «Новой Школы религии и философии», который состоялся в Петербурге, стал философский аспект творчества Достоевского. Материалы симпозиума были опубликованы в «The Dostoevsky Journal: An Independent Review», под редакцией Н. Печерской³⁶. Израильский исследователь Р. Кацман (R. Katsman) провел деконструкцию романа «Подросток», выдвинув гипотезу, в соответствии с которой Достоевский создает модель бытия, основанную на идее «присутствия/отсутствия», из чего вытекает основная идея романа о письме и его значении для формирования этико-онтологической позиции героя³⁷. Анализ текста как варианта речи «другого» составляет содержание статьи о рассказе «Бобок» немецкой исследовательницы Д. Гельхард (D. Gelhard)³⁸.

Австралийские исследователи П. Мэтью и Б. Кук сделали обзор ряда интерпретаций произведений Достоевского, анализируя тезисы книги М. Джоунса «Достоевский после Бахтина»³⁹. В исследованиях, опубликованных в журнале, большое место занимает тема сексуальности героев писателя — популярное в исследовательской литературе XX в. направление изучения его произведений. В статье С. Фуссо (S. Fusso) сюжетная интрига романа «Униженные и оскорбленные» истолкована как результат сознательного введения этой темы Достоевским в свои произведения⁴⁰. Зохраб впервые в достоевведении затрагивает вопрос о теме гомосексуальности в рамках «потенциального бескрайнего контекста», присущего, согласно Бахтину, каждому роману Достоевского; эти свойства Зохраб находит в сочетании деконструктивного и архивного подходов к чтению романа⁴¹. Э. Пэджет (A. Padgett), молодой компаративист из университета Монаш, видит изображение личности подпольного парадоксалиста в области небытия или «бесконечной потенциальности» в рамках метода, предложенного Дж. Агамбенем⁴². Американская исследовательница О. Стушебрюхова поднимает онтологическую проблематику, используя концепцию Ф. Фанона о феномене самоунижения, известном как «синдром субалтерна», который наблю-

³⁶ Ср.: The Dostoevsky Journal: An Independent Review. 2001. Vol. 2. P. 1–152.

³⁷ Katsman R. Dostoevsky's «A Raw Youth»: Mythopoesis as the Dialectics of Absence and Presence (From Capital to Writing) // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2000. Vol. 1. P. 85–95.

³⁸ Gelhard D. Das Prinzip der Partizipation am fremden Text in Dostoevskijs «Bobok» // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2000. Vol. 1. P. 113–122.

³⁹ Dostoevsky after Bakhtin: Readings in Dostoevsky's fantastic realism. Cambridge, 1990.

⁴⁰ Fusso S. «Secrets of Art» and «Secrets of Kissing»: Towards a Poetics of Sexuality in Dostoevskii // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 47–58.

⁴¹ Zohrab I. Mann-Männliche Love in Dostoevsky's Fiction (An Approach to «The Possessed»): With Some Attributions of the «Editorial Notes» in «The Citizen» (First Instalment) // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 113–226.

⁴² Padgett A. Beyond Dostoevsky: The Discourse of Non-Existence // The Dostoevsky Journal: An Independent Review. 2002/2003. Vol. 3–4. P. 79–91.

дается среди народов Африки, прошедших опыт европейской колонизации⁴³. Этот синдром автор обнаруживает среди представителей русской интеллигенции, которую, как показывает исследовательница, Достоевский систематически подвергал критике за слишком подобострастное отношение к чужой культуре и языку, за принижение важности своей культуры и родного языка. Чтобы стать общечеловеком, русский человек должен сначала стать настоящим русским; вывод, к которому приходит исследовательница на основе изучения «Дневника писателя» Достоевского, не слишком отличается от известных тезисов Гришина.

Большое внимание молодых достоеведов Австралии, особенно в психоаналитическом аспекте, привлекает повесть «Двойник». Д. Лэйн (D. Lane) анализирует образ «другого», воспроизводимый в бреде Голядкина, применяя концепцию Лакана о «расщепленном субъекте»⁴⁴. Э. Аскрофт (E. Ascroft) своей задачей видит описание поэтики и онтологии Достоевского на основе фиктивного психоза, которым характеризуется Голядкин. Исследователь приходит к выводу, что желание или прихоть («desire»), доводящие личность до предела разума, на котором они переходят в не-разум или сумасшествие, представляют для зрелой личности социальную драму, которая идет на смену эдиповой драме. Антропология Достоевского, основанная на описании психопатологической личности, по мнению Аскрофта, опередила психоаналитический дискурс более чем на полвека, так как русский писатель художественными средствами создал новую онтологию личности⁴⁵.

Нельзя не отметить, что довольно часто обращаются к произведениям Достоевского специалисты по английской литературе. Н. Террелл (N. Terrell) из Сиднейского университета поставил вопрос о секулярном идеализме в «Записках из подполья», в которых он увидел своего рода болезнь, замаскированную риторикой⁴⁶. Дж. Коуп (J. Cope), исследователь английской литературы из США, опубликовал в журнале австралийских достоеведов сравнительный анализ «Записок из подполья» и романа «Невидимка» (Invisible Man, 1952) афро-американского писателя Ральфа Эллисона (Ralph Ellison). Коуп приходит к выводу, что спасительное покаяние парадоксалиста приводит читателя Достоевского к положительной оценке произведения искусства как общественно

---

⁴³ *Stuchebryukhova O.* The Subaltern Syndrome and Dostoevsky's Quest for Authenticity of Being // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 5. P. 13–32.

⁴⁴ *Lane D.* A Reading of Dostoevsky's «The Double»: Through the Psychoanalytic Concepts of The Self and The Other // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 5. P. 1–11.

⁴⁵ *Ascroft E.* Lacan's Desire and Dostoevsky's «The Double»: The Problematics of Psychoanalytic Discourse in a Fictional Psychosis // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2005. Vol. 6. P. 1–20.

⁴⁶ *Terrell N.* Soap Bubbles and Inertia: The Underground Man's Dependence on Rhetoric, Narrative Frameworks and Scepticism as a Syndrome of Secular Idealism // *The Dostoevsky J.: An Independent Rev.* 2006. Vol. 7. P. 1–29.

ценного поступка, в то время как концовка романа Эллисона представляется ему малоубедительной⁴⁷.

В австралийском журнале по дostoеведению публикуются также исследования представителей феминистской критики. А. Зинк (A. Zink) из Базельского университета задалась вопросом о значении темы проституции в русской литературе, выраженной в образах падших женщин у Чернышевского, Толстого и Достоевского⁴⁸. Зинк приходит к неутешительному выводу, что Достоевский, несмотря на все свои попытки создать образ национально объединенной и социально гармоничной России, не может отречься от своей классовой (буржуазной) точки зрения (подобно Толстому, но в отличие от идеологизирующего Чернышевского), по которой для падшей женщины нет ни социального искупления, ни единения с русским интеллигентом, которого ей положено спасать.

К сожалению, в условиях австралийского университетского образования, несмотря на непрекращающийся интерес к творчеству Достоевского, существует мало возможностей для исследования творчества русского писателя на основе изучения его рукописей. Русский язык и литература преподаются лишь в трех университетах Австралии: Мельбурнском, Квинслендском и Национальном университете в Канберре. Для развития этого научного направления широко используются переводы на английский язык. Однако наблюдается и обратное явление: руководствуясь стремлением лучше понять мысль Достоевского, некоторые начинающие исследователи берутся за изучение русского языка. Сегодня, в условиях глобализации, это значительно легче, чем в прежние времена.

---

⁴⁷ Cope J. Shaking off the Old Skin: The Redemptive Motif in Ellison's «Invisible Man» and Dostoevsky's «Notes from the Underground» // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2006. Vol. 7. P. 75–91.

⁴⁸ Zink A. What is Prostitution Good for: Dostoevsky, Chernyshevsky, Tolstoy and the «Woman Question» in Russian Literature // The Dostoevsky J.: An Independent Rev. 2006. Vol. 7. P. 93–106.